

ГЛАВА XIII. Об ассоциации, основанной на взаимности

Мне казалось, что я должен посвятить особую главу этому вопросу, который занимает очень видное место в ряду рабочих недоразумений и где царит еще глубокий мрак. Авторы манифеста, подобно своим люксембургским товарищам, превозносят ассоциацию и считают ее могущественным средством порядка, нравственности, богатства и прогресса. Но до сих пор ни те, ни другие не умели распознать ее; все смешивают ее с взаимностью; многие смешивают с общиной; кроме гражданского и торгового свода законов, которым притом работники не интересуются, никто не сумел выяснить её вредный или полезный характер, а, главное, никто не понял тех изменений, которым она должна будет подчиниться при порядке вещей, основанном на взаимности.

Я попытаюсь, насколько хватит сил, осветить этот интересный предмет и, принимая в расчёт выгоду рабочих обществ, которые повсеместно развиваются и которым живо сочувствуют многие политические знаменитости, думаю пополнить немногими словами этот важный пробел.

Экономическими силами я называю известные формы действия, клонящиеся к тому, чтобы увеличивать силу труда и делать ее могущественнее, чем она была бы, будучи совершенно предоставлена индивидуальной свободе.

Таким образом, то, что называют разделением труда или обособлением промышленности, есть экономическая сила: со времен А. Смита было тысячу раз доказано, что данное число рабочих наработает в четыре раза, в десять раз, в двадцать раз больше, если систематическим образом разделит между собою труд, чем если бы каждый работал отдельно и если бы все делали тоже самое дело, не входя в соглашения и не соединяя своих усилий.

По той же или, скорее, по противоположной причине, сила, которую я, один из первых, назвал силою совокупности, есть тоже экономическая сила: доказано, что данное число работников легко и скоро исполнит работу, которая была бы невозможна для тех же самых рабочих, если бы вместо того, чтобы совокупить свои усилия, они захотели действовать врознь.

Приложение машин к промышленности есть тоже экономическая сила: это нечего и доказывать. Машины дают человеку возможность делать большее усилие, вследствие чего труд становится более производительным, доход – увеличивается: происходящее от этого приращение богатства свидетельствует о присутствии здесь экономической силы.

Конкуренция – экономическая сила, потому что возбуждает деятельность рабочего.

Ассоциация – другая экономическая сила, потому что внушает ему доверие и спокойствие.

Наконец, обмен, кредит, золото и серебро, обращенные в монету, самая собственность – все это экономические силы.

Но самая великая, самая святая из экономических сил – та, которая соединяет с сочетаниями труда все открытия разума и санкции совести; это взаимность, в которой, так сказать, сливаются все другие силы.

Путем взаимности в право вступают другие экономические силы; они становятся, так сказать, составными частями права человека и производителя; без этого они оставались бы одинаково безучастными и к общественному злу, и к общественному благу; в них нет ничего обязательного; сами по себе, они не представляют никакого нравственного характера. Всем известны излишества, чтобы не сказать, неистовства разделения труда и машин; – неистовства конкуренции, плутни торговли, грабежи кредита, проституция денег, тирания собственности. Все эти обвинения уже давно истощены, и настаивать на них при современной демократии значило бы терять напрасно время, проповедуя обращенным. Одна только взаимность, удовлетворяющая и разуму, и совести, составляет взаимно обязывающий договор, который так долго был непризнан, но в тайне всегда соединял всех труженников и обязывал людей, оплодотворяя в то же время их труд. Она одна непобедима и непоколебима, потому что и в человеческих обществах, и во вселенной составляет Право и Силу.

Если рассматривать ассоциацию с её хорошей стороны, она, конечно, покажется мирною и братскою; я не стану опошливать ее в глазах народа – сохрани меня Боже!... Но ассоциация сама по себе, лишенная руководящей мысли Права, есть тем не менее случайная связь, основанная на чисто физиологическом и корыстном чувстве; – это свободное условие, которое можно расторгнуть, смотря по желанию; это ограниченная группа, о которой всегда можно сказать, что её члены, соединившиеся только для себя самих, соединились каждый и все против всех: так смотрел на это законодатель, и он не мог смотреть иначе.

О чем хлопочут например наши крупные ассоциации капиталистов, организованные в духе торгового и промышленного феодализма? Присвоить себе фабрикацию, обмен и выгоды, сгруппировать с этою целью под одним руководством самые разнообразные специальности, сосредоточить ремесла, соединить в одних руках должности, – словом – вытеснить мелкую промышленность, убить торговлю и превратить таким образом в наемщиков самую многочисленную и самую развитую часть буржуазии: и все это в пользу так называемых организаторов, основателей, директоров, администраторов, советников и акционеров этих громадных спекуляций. В Париже можно видеть множество примеров этой безчестной войны, которую крупные капиталы ведут против мелких: упоминать о них бесполезно. Толковали о центральном книжном магазине, который должен был состоять под командитством г. Перейры и заменить большую часть теперешних книжных магазинов: это новый способ господствовать над прессою и над идеями. Даже само общество литераторов, завидуя выгодам книгопродавцов, думает сделаться издателем всех сочинений,

выпускаемых в свет живыми авторами: эта страсть к насильственному завладению не знает себе границ; она служит ясным доказательством жалкого состояния умов. Я знал одно типографское заведение, которое соединяло у себя с набором и печатанием, нераздельными друг от друга, оптовую и мелочную книжную торговлю, торговлю бумагой, литье шрифтов, изготовление скоропечатных машин, отливку стереотипных досок, переплетное и столярное мастерство, и т. д. Кроме того хотели открыть при нем школу для учеников и маленькую академию. Это чудовищное заведение вскоре пало, благодаря плутням, тунеядству, растратам, конкуренции, возрастающему дефициту. Промышленный феодализм имеет те же стремления, и его ожидает такой же конец.

Чего добивались рабочие ассоциации люксембургской системы. Заменить при помощи государства ассоциации капиталистов союзом работников, то есть – все-таки вести войну против свободной промышленности и свободной торговли посредством централизации дел, соединения рабочих рук и превосходства капиталов. Вместо ста или двухсот тысяч заведений, имеющих торговое свидетельство, было бы только сто крупных ассоциаций, которые служили бы представителями различных отраслей промышленности и торговли, где рабочее население было бы дисциплинировано и окончательно порабощено высшим государственным соображениям этого братства, подобно тому, как в настоящую минуту его силится поработить верховным требованиям капитала. Что выиграли бы от этого свобода, общественное благосостояние, цивилизация? Ничего. Мы переменили бы одни цепи на другие; но всего печальнее и всего яснее выказывает бессилие законодателей, предпринимателей и преобразователей то, что общественная идея не подвинулась бы ни на шаг вперед; мы по прежнему остались бы под тем же произволом, под тем же экономическим фатализмом.

Этот первый, беглый обзор коммунистических ассоциаций, впрочем неосуществившихся на деле, и товариществ на вере и на акциях, составленных по плану товарищеской анархии и нового феодализма, освященного законом и поддержанного властью, показал нам, что и те, и другие были основаны с частными целями, с расчётом на эгоистические выгоды; что в них нет ничего такого, что обнаруживало бы преобразовательную мысль, высшую цель цивилизации, хотя бы малейшую заботу о прогрессе и об обществе; напротив того, поступая так индивидуально и анархически, они ничто иное, как мелкие партии, организованные, против большой, в недрах которой они живут на её же счет.

Общие характеристические черты этих обществ, указанные в своде законов, обнаруживают их узость и ничтожество. Они состоят из определенного числа лиц, которые все, разумеется, означены поименно, по ремеслам, месту жительства и званию; каждый член вносит вклад; общество составлено с специальною целью и для исключительной выгоды, и срок его существования ограничен. Посторонние лица не допускаются. Во всем этом нет ничего, что соответствовало бы великим надеждам, которые рабочая демократия возлагает на ассоциацию: на каком основании может она надеяться получить от неё результаты, более человеческие, чем те, которые мы до сих пор видели? Ассоциация определяется сама собою, и основная черта её состоит в стремлении к обособлению. Можно ли устроить так, чтобы не существовало рядом отделенных и отличных друг от друга ассоциаций столяров, каменьщиков, ламповщиков, шляпочников, портных, сапожников и т. д.? Приходит ли комунибудь в голову, чтобы все эти ассоциации слились между собою и составили одно

всеобъемлющее общество? Можно смело предложить рабочей демократии разрешить эту задачу – что я говорю? – не только работникам, но и их советам, академии политических и нравственных наук, законодательному корпусу, поголовно всей школе правоведения; можно смело сказать, что всем им вовеки не придумать такой ассоциации, где соединялись бы, сливались бы воедино труд и выгоды двух разнородных групп, например, каменьщиков и краснодеревцов. Стало быть, не будучи солидарны, ассоциации по самой силе вещей будут соперничать между собою; их интересы будут противоположны друг другу; выйдут противоречия, возникнет вражда. Выхода из этого нет.

Но, скажут мне, разве мы не можем прибегнуть к принципу взаимности, чтобы согласить и примирить ассоциации, не сливая их?...

Давно бы так! Взаимность уже является как *Deus ex machina*. Узнаем же, чему она нас учит, и прежде всего заявим, что взаимность вовсе не то, что ассоциация, и что, одинаково любя свободу и сочетание, она равно чужда и прихоти, и нетерпимости.

Мы только что говорили о разделении труда. Результат этой экономической силы состоит в том, что, порождая специальности, она создает столько средоточий свободы, что ведет за собою разделение предприятий, то есть как раз противное тому, чего добиваются и защитники коммунистических ассоциаций, и основатели ассоциаций капиталистов. Соединяясь потом с законом естественного распределения населения по полосам, кантонам, общинам, кварталам, улицам, разделение труда приводит к следующему решительному результату: всякая промышленная специальность не только призвана развиваться и действовать в полной и совершенной независимости, при условиях взаимности, ответственности и обеспечения, которые составляют общее условие общества, но, кроме того, тоже распространяется и на промышленников, из которых каждый в том округе, где живет, служит своею личностью представителем какой нибудь специальности труда: в принципе эти промышленники должны оставаться свободными. Разделение труда, свобода, конкуренция, политическое и общественное равенство, достоинство человека и гражданина не допускают подчинения, какое влечет за собою патронство контор. Шестьдесят членов говорят в своем манифесте, что они не хотят клиентства, а патронство контор есть обратная сторона этого клиентства: в сущности это все одно и то же.

Из этого следует, что в ассоциации принцип взаимности состоит в том, чтобы люди составляли общества только тогда, когда того требуют самое производство, дешевизна продуктов нужды потребления, спокойствие самих производителей, когда становится равно невозможным ни публике полагаться на частную промышленность, ни частной промышленности брать на себя всю ответственность и одной нести весь риск предприятий. Тогда людей соединяет уже не система, не расчёт самолюбия, не дух партии, не пустая сентиментальность; их соединяет самая сила вещей, и так как, соединяясь таким образом, они повинуются только силе вещей, то могут сохранить свою свободу даже в ассоциации.

Эта сторона идеи взаимности, которая ясно вытекает из общих принципов, заявленных в манифесте Шестидесяти, может своим значением привлечь к новой демократии самые живые симпатии мелких буржуа, мелких промышленников, мелких торговцев.

Когда дело идет о производстве мануфактурном, металлургическом, морском, о разработке рудника, то здесь ассоциация, конечно, уместна: этого никто не станет оспаривать. Точно также уместна она в тех обширных предприятиях, которые носят на себе характер общественного дела, например в железных дорогах, кредитных учреждениях, доках и т. д. В своем месте я доказал, что в силу закона взаимности из этих предприятий должна быть устранена всякая выгода капиталов, и они должны быть отданы в руки общества, которое одно имеет право пользоваться ими и содержать их. В этом случае опять таки до последней степени ясно, что ни монопольные компании, ни общества, состоящие под покровительством государства и производящие работы от имени государства и на его счет, не могут поручиться за хорошее исполнение и дешевизну. Такое обеспечение могут дать только свободные члены обществ, связанные с публикою взаимностью, а между собою обыкновенной ассоциацией.

Но когда дело идет о многочисленных отраслях ремесл и торговли, которых так много в городах и даже в деревнях, – я уже не вижу необходимости и пользы ассоциации. Я тем менее вижу здесь пользу от ассоциации, что результат, которого можно было бы ожидать от неё, приобретает, помимо её, совокупностью взаимных обеспечений, взаимными страхованиями, взаимным кредитом, рыночною полициею и т. д. Скажу больше: как скоро эти обеспечения приняты, обществу гораздо безопаснее иметь в подобных случаях дело с одним предпринимателем, чем с компаниею.

Кто не видит, например, что мелкая торговля неизбежно должна существовать, потому что иначе крупные компании были бы поставлены в необходимость, ради удобства своих покупателей, всюду открывать магазины и конторы? Сверх того, в порядке вещей, основанном на взаимности, все мы, в отношении друг к другу, – клиенты, подчиненные, слуги. в этом то и состоит наша солидарность, которую авторы манифеста провозглашают наряду с правом на труд, свободой труда, взаимностью кредита, и т. д. Система поглощения, на которой основаны все большие компании капиталистов и люксембургские общины, обрекает человека на вечное подчинение, на вечную наемщину; неужели было бы худо, если бы он стал свободным продавцом, благодаря системе взаимности, где ажиотаж немислим? Назначение торговца состоит не только в том, чтобы продавать и покупать, имея в виду исключительно свою личную выгоду; оно должно возвыситься вместе с общественным порядком, часть которого оно составляет. Прежде всего торговец есть раздаватель продуктов, качество, изготовление, производство, ценность которых он должен знать в точности. Потребителям своего округа он должен сообщать сведения о ценах, о новых предметах, о предстоящей дороговизне, о возможности падения цен. Здесь необходима постоянная работа, требующая ума, усердия, честности; но, повторяю, при новых условиях, в которые нас ставит система взаимности, дело продавца нимало не требует гарантии (сомнительной, заметьте,) большой ассоциации. Для общественного спокойствия в этом случае достаточно всеобщего преобразования нравов путем принципов. Поэтому, спрашивается, зачем пропадать экономическому индивидуализму? Зачем нам мешаться в это? Организуем право, и пусть лавка делает свое дело. Благосклонность публики обратится на того, кто будет всех честнее и всех прилежнее.

Вот в чем, если не ошибаюсь, должны заключаться элементы союза между мелкою, промышленною и торговою буржуазиею и рабочими классами, того союза, который громко

провозгласили и которого требовали авторы манифеста.

«Без нас, говорит они с глубоким предчувствием истины, буржуазия не может основать ничего прочного; без её содействия наше освобождение может быть замедлено очень надолго. Соединимся же для общей цели – для торжества истинной демократии».

Повторим и мы за ними: здесь не может быть речи об изменении уже упроченных положений; дело идет просто о том, чтобы, посредством уменьшения платы за наем капиталов и квартир, посредством облегчения и удешевления учетной таксы, искоренения тунеядства, уничтожения ажиотажа, надзора за складами и рынками, посредством сбавки цен на перевоз, приведения ценностей в равновесие, высшего образования рабочих классов, посредством окончательного перевеса труда над капиталом, справедливой доли уважения к таланту и к должности, посредством всего этого, говорю я, воздать труду и честности то, что несправедливо отнято у них капиталистами; увеличить всеобщее благосостояние, упрочив существование каждой отдельной личности; предупредить точностью сделок разорения и банкротства; воспрепятствовать, как грабительству, возникновению огромных богатств, лишенных законного, действительного основания; короче – положить конец всем аномалиям и беспорядкам, которые здравая критика всегда считала хронической причиной нищеты и пролетариата.

Но к чему спорить о словах и терять время в бесполезных препирательствах? Чтобы ни говорили, народ верует в ассоциацию, он утверждает, предчувствует и предсказывает ее, а между тем нет другой ассоциации, кроме устава товарищества, определенного в нашем уложении. Чтобы не изменить ни данным науки, ни народным стремлениям, скажем в заключение, что ассоциации, формулу которой искали современные нововводители (как будто в законе о ней ничего не сказано) и которой никто из них не мог определить; которую артист, мистик и пророк Фурье назвал Гармонией, сказав, что ей должен предшествовать период Гарантизма; которая должна охватить все общество и тем не менее сохранить неприкосновенными все права личной и корпоративной свободы; которая вследствие этого не может быть ни общиной или всеобъемлющим обществом имуществ и барышей, признанным сводом гражданских законов, осуществленным в средние века, обобщенным сектою Моравских Братьев, отождествленным с политическим союзом или государством в учениях Платона, Кампанеллы, Мора, Овена, Кабе, и т. д.; ни торговыми товариществами на вере и анонимными, на паях; к которой рабочая демократия не перестает взывать, как к спасению от всякого рабства и к высшей форме цивилизации; – что эта ассоциация есть ничто иное, как ВЗАИМНОСТЬ и не может быть ничем иным. И действительно, что же такое взаимность, которую мы старались обрисовать в кратких чертах, как не общественный договор по преимуществу, договор политический и в то же время экономический, обоюдосторонний, обнимающий за раз личность и семейство, корпорацию и город, продажу и покупку, кредит, страхование, труд, образование и собственность, всякое ремесло, всякую сделку, всякую службу, всякое обеспечение, и выражающий все это самым простым образом? По своему высокому преобразующему значению он клонится к уничтожению эгоизма, тунеядства, произвола, ажиотажа, всякой распущенности. Но ведь в этом и заключается та таинственная ассоциация, о которой мечтали утописты, которая была неизвестна философам и юрисконсультам и которую мы определим двумя словами: договор взаимности.[15]

Бросим последний взгляд на этот новый договор в том виде, как он представляется в наше время в несовершенных, но полных надежд попытках рабочей демократии, и обратим внимание на самые характеристичные черты его. В начале ассоциация, основанная на взаимности, кажется как будто ограниченной в числе членов и в сроке действия, специальной по предмету, изменяемой в своем уставе. Но она способна развиваться с такою неудержимою силою, что стремится подчинить себе и присоединить к себе все, что ее окружает, пересоздать по своему образцу все общество и государство. Эту способность к развитию ассоциация, основанная на взаимности, обязана высокою нравственности и экономической плодотворности своего принципа.

Заметьте, что в силу свойственного ей принципа, ассоциация открыта всякому, кто, узнав её дух и цель, пожелал бы вступить в нее: она никого не отвергает, и чем больше растет, тем становится выгоднее. Стало быть, в отношении к личному составу своему она неограничена по самой своей сущности, чего не бывает во всякой другой ассоциации.

Тоже самое можно сказать и об её предмете. Общество, основанное на взаимности, может иметь специальной целью какое-нибудь промышленное предприятие. Но в силу принципа взаимности, оно стремится завлечь в свою систему обеспечений сперва те промышленности, с которыми стоит в непосредственной связи, а потом те, которые относятся к ней дальше. И в этом отношении ассоциация, основанная на взаимности, неограниченна; её поглощающая сила бесконечно могущественна.

Говорить ли о её прочности? Может случиться, что члены ассоциации, основанной на взаимности, потерпев какую-нибудь частную, случайную, личную неудачу, будут принуждены расторгнуть свои условия. Но при всем том, так как их общество было основано прежде всего на идее права с целью экономического приложения этой идеи, то по сущности своей оно стремится к непрерывному существованию, точно так же, как мы видели, оно стремится стать всеобщим. Когда рабочие массы приобретут ясное понятие о принципе, который волнует их в настоящую минуту, когда сознание их проникнется этим принципом, когда они громогласно провозгласят его, – тогда всякое изменение в установленном ими порядке вещей делается невозможным: иначе было бы противоречие. Взаимность или общество, основанное на взаимности, есть справедливость; а в справедливости, как и в религии отступить назад невозможно. После того как евангельская проповедь обратила мир в монотеизм, разве люди могли снова вернуться к многобожию? Разве Франция могла бы вернуться к феодальному порядку в то время, когда Россия уничтожает у себя рабство? Так и новая реформа: по своей сущности договор взаимности неотменим во всякой ассоциации. Чисто материальные и внешние причины могут расторгнуть такого рода общества в их специальности; но сами по себе и по своему основному устройству они стремятся создать новый порядок вещей и не подвержены прекращению. Заключив между собою союз, основанный на добросовестности и чести, люди не могут сказать друг другу, расставаясь: «Мы ошиблись; теперь мы снова сделаемся лгунами и плутами; это будет выгоднее!...»

Вот, наконец, последняя характеристичная черта: взнос капитала перестает быть необходимым в обществе, основанном на взаимности; чтобы быть членом общества, достаточно сохранять в сделках взаимную честность.

Говоря вкратце, по определению существующего законодательства, общество есть договор, заключенный между известным числом лиц, обозначенных по именам, ремеслам и званию (Свод гражданских законов, ст. 1832) и имеющий целью частную выгоду, которая должна быть разделена между членами общества. (Там же.) Каждый член должен внести или деньги, или имущество, или свою промышленность (ст. 1833). Общество составлено на определенное время (ст. 1965).

Ассоциация, основанная на взаимности, проникнута совершенно другим духом. Будучи взаимною, она допускает всех и стремится к всеобщности; составляется не прямо с расчетом на выгоду, а в виду обеспечения; взнос денег, других ценностей или собственной промышленности считается необязательным; единственное необходимое условие составляет верность взаимному обязательству; составившись раз, эта ассоциация по сущности своей стремится к обобщению и к безконечности.

Рассматриваемая как революционное орудие и как правительственная форма, коммунистическая ассоциация тоже хочет стремиться быть нерасторжимой и всеобъемлющей; но она не признает за членами никакой собственности, – ни денег, ни других имуществ, ни их труда, ни их таланта, ни их свободы: это-то и делает ее невозможной.

Когда закон взаимности преобразует поколения, тогда, как теперь, будут беспрепятственно составляться частные ассоциации, имеющие каждая своим предметом разработку промышленной специальности или какое-нибудь предприятие, в видах собственной выгоды. Но эти ассоциации, которые могут даже сохранить свои теперешние определения, будут подчинены, и друг перед другом, и перед публикой, долгу взаимности, будут проникнуты новым духом, и тогда между ними и временными, соответствующими им ассоциациями не будет ничего общего. Они утратят отличающий их эгоистичный и разрушительный характер, но в тоже время сохранят все выгоды, которые им дает их экономическое могущество. Это будут своего рода частные церкви в недрах вселенской, и они будут способны воспроизвести вселенскую церковь, если бы она пала.

Я очень желал бы представить здесь взаимную и федеративную теорию собственности, которую я разбирал 20 лет тому назад. Но обширность предмета заставляет меня отложить до другого времени обсуждение этого важного вопроса.

В третьей части этого тома я буду говорить о свободном обмене, о свободе союзов и о некоторых других вопросах политической экономии, которые могут быть разрешены только принципом взаимности.

Версия #1

Зверобой создал 20 марта 2025 02:49:52

Зверобой обновил 20 марта 2025 02:50:16